

DOI: 10.22363/2312-8313-2019-6-3-167-176

Научная статья

«Мягкая сила» как катализатор социально-политических конфликтов

О.Б. Иванов

Центр урегулирования социальных конфликтов
Проспект Мира, 72, Москва, Россия, 129063

Статья посвящена изучению совокупности технологий, объединенных термином «мягкая сила», с позиции использования потенциала этих технологий в целях управления социально-политическими конфликтами в целевых странах. Выявляется и исследуется сущность и назначение «мягкой силы» в современной деятельности международных политических акторов, на практическом материале исследуется актуальный опыт применения ключевых инструментов «мягкой силы», в том числе в качестве инструмента влияния и пропаганды в глобальном информационном пространстве. Автор предпринимает аргументированную попытку доказать, что в эпоху глобализации значение и влияние «мягкой силы» возрастает по сравнению с традиционными «жесткими» инструментами влияния, что «мягкая сила» активно используется в качестве теоретического и практического руководства на глобальном геополитическом уровне. Критически осмысливаются позитивный и негативный потенциал «мягкой силы», анализируются базовые способы защиты от ее деструктивного влияния.

Ключевые слова: мягкая сила, мягкое влияние, геополитический проект, социально-политический конфликт, управление социально-политическим конфликтом

Концепция «мягкой силы» и связанные с ней технологии в последние десятилетия объективно закрепились в авангарде международной политической деятельности, стали неотъемлемой частью международной деятельности всех значимых политических акторов. Этой тенденции немало способствовала и постоянно возрастающая роль информации в современном мире, поскольку именно информация в том или ином виде является стержневым понятием «мягкой силы». Активное внедрение способов, методов и технологий информационно-психологического воздействия превращает информацию в геополитическое оружие, которое существенно влияет на развитие страны, подвергающейся «информационной атаке» [1. С. 166].

© Иванов О.Б., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

«Мягкая сила» – это способность достигать целей на внешнеполитической арене путем убеждения и привлечения симпатий других акторов. Являясь особым типом внешнеполитической деятельности, «мягкая сила» воздействует не напрямую, а через косвенное распространение влияния одного государства на другое посредством массовой информации, популярную и элитарную культуры, образование, распространение привлекательных гуманитарных и иных идеалов, популяризацию актуальной системы ценностей и жизненных ориентиров [2. С. 73]. При этом важно понимать, что «мягкая сила» – это не просто некоторая совокупность гуманитарных и информационных ресурсов и инструментов их трансляции актором, но и всегда – проектируемый, осязаемый и планируемый результат реализации.

В новейшей истории «мягкая сила» как актуальный внешнеполитический феномен стала исследоваться и активно использоваться прежде всего в американской политике начиная со времен «холодной войны», и с тех пор ее влияние на внешнеполитические процессы глобального характера неизменно возрастало. В то же время в политической науке остается дискуссионным вопрос о том, какова роль «мягкой силы» в реализации стратегий и тактик «цветных революций». Этот вопрос можно сформулировать следующим образом: влияние технологий «мягкой силы» на процесс зарождения и развития «цветных революций» носит естественный, инерционный характер, или же наоборот – манипулятивный и целенаправленный?

Изучением влияния «мягкой силы» на общественное сознание в мире занимаются уже достаточно давно. Здесь уместно вспомнить про созданный в 1946 году в Великобритании Тавистокский институт человеческих отношений. По мнению ряда исследователей, методы, технологии и практические наработки этого научного центра широко применяются в разных частях света в целях масштабной социальной инженерии и в том числе для реализации проектов, непосредственно связанных с «цветными революциями» и «ненасильственным протестом» [3].

Россия и бывшие республики СССР в свое время одними из первых столкнулись с активным применением технологий «мягкой силы», испытали их влияние на сознание и поведение населения: соответствующие инструменты, применяемые со стороны США и стран Западной Европы, сопровождали весь процесс формирования независимых государств на постсоветском пространстве, активно применяются и сегодня. Отчасти это обстоятельство позволяет нам говорить о феномене «управляемого гражданского общества», который характеризуется видимостью прав, искаженным представлением о долге, обязанностях, и формируется с помощью неправительственных организаций. Наиболее ярким примером этого, безусловно, служат события последних лет на Украине. Информационное давление, последние два с половиной десятилетия оказываемое на местное гражданское общество, сформировало поколение русофобов и националистов, готовых участвовать в «зачистках» на юго-востоке не по принуждению, а по убеждению [4. С. 24].

В Концепции внешней политики России 2016 года «мягкая сила» также рассматривается в первую очередь как неотъемлемая составляющая международной политики, важное дополнение к традиционным дипломатическим методам, в основе которого лежит прежде всего возможность наиболее эффективно использовать гуманитарные возможности [5]. Конкретные задачи в области применения «мягкой силы» прописаны и в правоустанавливающих документах Россотрудничества, которое подведомственно Министерству иностранных дел России. Это, в частности, поддержка соотечественников, продвижение русского языка и культуры, содействие международному развитию и «народная» дипломатия. При этом для трансляции российских национальных ценностей используются не только официальные каналы взаимодействия, но и спорт, туризм, образование, культурный и религиозный диалог [6. С. 52].

Вообще, практика применения «мягкой силы» достаточно широка и в зависимости от целей, который ставит использующий ее актор, может быть разделена на два условных направления.

Первое направление использования «мягкой силы» представляет собой позитивную технологию, направленную на улучшение международного политического климата, развитие взаимовыгодных отношений между странами, сближение и взаимное обогащение национальных культур.

Второе направление предполагает, что «мягкая сила» использует свой потенциал для дестабилизации государственных институтов целевой страны, разрушение существующего социального порядка и, в конечном итоге, максимально фактическое сокращение национального суверенитета. По сути, такой вариант использования «мягкой силы» отличается от классической военной интервенции только методами воздействия на «противника».

Важнейшим теоретиком второго направления, т.н. «ненасильственной борьбы против диктаторских режимов», является американский ученый Д. Шарп. Именно указанным вопросам применения «умной силы» посвящены его труды «Политика ненасильственных действий» [7] и «От диктатуры к демократии» [8], в которых автор подходит к проблеме с практической стороны и предлагает конкретные методики и технологии по ненасильственному свержению авторитарных режимов. Шарп и его последователи идут по пути универсализации учения о ненасильственной борьбе, разработанного еще М. Ганди. Сейчас, когда это учение уже доведено до уровня технологии, говорят о 198 методах ненасильственного протеста, которые разделены на пять крупных блоков: методы ненасильственного протеста и убеждения, методы отказа от социального сотрудничества, методы отказа от экономического сотрудничества, методы отказа от политического сотрудничества, методы ненасильственного вмешательства. Структурно описанные Д. Шарпом идеи и технологии активно использовались оппозиционными движениями во время всевозможных «цветных революций» последних десятилетий – начиная от «бульдозерной революции» в Сербии и «революции роз» в Грузии до «оранжевой революции» и Евромайдана на Украине, «жасминовой революции» в Тунисе и «революции 25 января» в Египте.

Этот тезис прекрасно иллюстрируется тем, что во всех «цветных революциях» прослеживается один и тот же принцип социальной активности, избранный оппозиционной, протестующей стороной. В развитии большинства «цветных революций» выделяют отчетливые фазы и этапы, а общий алгоритм протестных действий имеет явную запрограммированную технологию, почти идентично используются сетевые ресурсы и активность молодежных радикальных движений. Сопоставимы и сроки реализации «революционных» этапов: они проходят в предельно сжатом режиме, в течение полутора–двух месяцев. Кроме того, обоснованным выглядит утверждение, что в «цветных революциях» полностью отсутствует настоящая революционная идеология [8]. Не лишним будет напомнить, что, например, по мнению ряда исследователей, традиционными формами выражения социального недовольства в арабском мире были открытые, насильственные столкновения протестующих с проправительственными силами. И тот факт, что во время «арабской весны» протестующие преимущественно делали ставку на ненасильственные формы сопротивления, позволяет обоснованно предположить, что эта тактика имела «неарабское» происхождение, что в ней прослеживается влияние западных политтехнологов [10. С. 202].

Технологически актор, применяемый институты «мягкой силы» для трансляции в целевую страну необходимых ему ценностей и культурных установок, рассматривает социально-политические конфликты в целевой стране исключительно как путь проникновения в соответствующую среду и возможность преобразования этой среды в нужном актору направлении. Разумеется, что такой подход предполагает, что вплоть до окончания «перформатирования» системы ценностей в целевой стране актор не заинтересован в разрешении соответствующего конфликта, как и не заинтересован в последовательном развитии такого конфликта, которое диктуется его внутренней логикой. Таким образом, глобальные политические акторы при применении механизмов и технологий «мягкой силы» используют национальные конфликты путем их встраивания в выгодную таким акторам схему взаимодействия с участниками конфликта.

Так, например, в конце 90-х годов прошлого века США избрали одним из плацдармов для интенсивной обкатки технологий «мягкой силы» Украину. Стратегической целью при этом просматривалась идея формирования Украины как самостоятельного (до известных, разумеется, пределов) восточноевропейского геополитического актора, способного нейтрализовать усилия России на традиционном для нашей страны направлении национальных интересов. В соответствии с этой стратегической целью на американские гранты исследовательское сообщество обосновывало ведущую роль украинского этноса в формировании и развитии древнерусского государства, создавало собственную, уникальную историю украинского народа, противопоставляя ее общей российской истории. Соответствующие идеи транслировались нации посредством системы образования: через учебные программы, национальную исследовательскую работу, создаваемые культурные феномены и исторические мифы национального характера, особую

роль среди которых сыграл и продолжает играть «голодомор» начала 30-х годов прошлого века [11. С. 76–79]. Одним из «публичных» результатов этих многолетних усилий «мягкой силы» стали события «оранжевой революции» и Евромайдан, которые подавались средствами массовой информации в том числе через призму «становления нации и национального самосознания».

Анализируя использование «мягкой силы» в подготовке событий «арабской весны», следует упомянуть существенную роль организации «Национальный вклад в демократию»¹, основанной в 1983 году Президентом США Рональдом Рейганом, которая длительное время финансировала образовательные и культурные программы в регионе, активно способствовала формированию у национальных политических и культурных элит проамериканских демократических ценностей и одновременно с этим являлась отчасти механизмом рекрутирования будущих политических лидеров. Активное вовлечение молодежи стран Северной Африки и Ближнего Востока в соответствующие образовательные и культурные проекты можно проследить во второй половине 2000-х годов. А большинство будущих активистов «арабской весны» принимали активное участие в конференциях и прочих мероприятиях, проводимых американскими неправительственными организациями, такими как «Дом свободы» и Международный республиканский институт. В ноябре 2009 года, например, действующий в тот момент госсекретарь США Х. Клинтон отметила важность информационной мобильности для деятельности независимых национальных демократических организаций в странах с ограниченными политическими свободами и анонсировала, что Государственный департамент США планирует потратить в 2010 году 5 миллионов долларов для финансирования новых средств информации и становления сети гражданских организаций на Ближнем Востоке и в Северной Африке. А по открытым данным «Национального вклада в демократию» за 2011 год организация среди прочего осуществила финансирование 40 проектов в Египте на общую сумму 2,5 миллиона долларов, 10 проектов в Тунисе на 1,4 миллиона долларов и 4 проекта в Сирии на 650 тысяч долларов, а общая сумма расходов финансирования мероприятий «мягкой силы» и демократических процессов на Ближнем Востоке за этот год составила 104 миллиона долларов.

При подготовке «цветных революций» особое внимание традиционно уделяется культурным факторам, оказывающим воздействие на массовое сознание. И нельзя не согласиться с тем, что первостепенное символическое значение здесь имеют те произведения культуры, которые пропагандируют идеи сопротивления и освобождения, вполне доступные для массового эмоционального восприятия. Здесь в первую очередь речь идет, конечно, о музыке, которая «способна обеспечить мобилизацию, подарить людям ощущение

¹ Американская некоммерческая организация, финансируемая Конгрессом США, осуществляющая финансирование программ по продвижению гуманитарных и демократических ценностей по всему миру. В управляющем совете организации в равном числе представлены представители обеих крупнейших партий страны.

единства и сплоченности без длительных объяснений, напрямую апеллируя к их чувствам» [12. С. 219]. Так, например, оба украинских «майдана» (и 2003, и 2013–2014 годов) были «...самым тесным образом связаны с рок-музыкой. Политические акции выглядели синтезом собственно митингов и рок-фестивалей. И еще вопрос, кто сделал для мобилизации общества больше: политики своими выступлениями или рок-группы своими песнями» [12. С. 220].

Важной культурной предпосылкой «цветных революций» (особенно в арабских странах) является распространение в обществе идей гендерного равноправия (преимущественно при попытке резкого усиления роли женщины в общественной жизни). Так, накануне «арабской весны» западные негосударственные организации настойчиво продвигали в регионе идею всеобщего женского образования. Попытки преодоления многовековых табу на участие женщин в общественной жизни сами по себе являлись важными предпосылками для преодоления и других табу, имеющих уже более ярко выраженную политическую окраску [13. С. 263].

Представляется обоснованной точка зрения некоторых исследователей, что в рассматриваемых случаях опора на «мягкую силу» представляла собой выбор стратегически наиболее эффективного метода свержения конкретного политического режима и использовала гуманитарную риторику исключительно для прикрытия основной цели, для придания ей нужной легитимности в глазах национального и, отчасти, мирового сообщества. Анализ развития событий в ходе «цветных революций» позволяет сделать вывод, что стратегия «мягкой силы» (а затем и «умной силы»), проявлявшаяся в распространении «общепринятых либеральных ценностей», фактически подготавливала общества и политические институты рассматриваемых стран к применению традиционных, «жестких» технологий в процессе захвата власти и смены правящих группировок [14. С. 174].

Отметим и существенную роль социальных сетей как одного из ключевых инструментов «мягкой силы», в организации управления (в том числе и внешнего) «цветными революциями». Информационные технологии за последние 10–15 лет очевидно коренным образом изменили жизнь людей, сами технологии коммуникации, в том числе межличностной, не говоря уже о социальной. Такая коммуникация становится все более опосредованной, что само по себе дает перспективные условия для развития и ведения информационных войн, целенаправленной работы с общественным сознанием [15. С. 115]. Так, ситуация в уже упомянутой Украине 2012–2013 годов (представляющая для нас наибольший интерес в связи с очевидной социальной и цивилизационной близостью к России) наглядно демонстрирует, как именно через социальные сети и, преимущественно, через Facebook и Twitter, транслировались молодежи «идеалы и ценности жизни по западному образцу», как эти идеалы провозглашались единственно верными и объективно лучшими и как они выгодно противопоставлялись сложившейся в стране атмосфере, которая подавалась исключительно через призму нищеты, коррупции, бесправия, безысходности и (при условии сохранения действующего политического режима) отсутствия каких-либо перспектив для будущих поколений. При

этом следует помнить, что обе названные социальные сети принадлежат корпорациям, существующим в юрисдикции США и выполняющим (в самом широком смысле) требования легальных органов соответствующей юрисдикции. Естественно, что именно через эти социальные сетевые инструменты проводилось в дальнейшем координирование протестных акций и мобилизационная подготовка, а их популярность у пользователей только росла, особенно на фоне непоследовательных попыток действующей политической власти ограничить работу соответствующих платформ или Интернета в целом.

Качественное изменение форм и методов взаимодействия современного человека с информацией (в первую очередь информацией обработанной и интерпретированной) приводит к разным последствиям. Так, например, современные средства массовой информации функционируют преимущественно не как отражающие реальность, а как формирующие множество альтернативных информационных реальностей, в которых смысл одинакового с фактологической точки зрения сообщения зависит исключительно от задач конкретного СМИ в сложившейся ситуации. Французский философ Жан Бодрийяр, например, очень точно назвал эту произвольно конструируемую «информационную» реальность гиперреальностью, которая нейтрализует объективную реальность и замещает ее симулятивными знаками [16. С. 204]. Разумеется, что процесс такого рода «информационной перекодировки» влияет и на мышление в том направлении, что потребители информации постепенно утрачивают способность мышления абстрактными категориями, а само мышление в условиях мозаичной информационной культуры приобретает черты дискретности и клиповости [14. С. 177]. Да, эта проблема носит более широкий характер, объективно выходит за рамки исследования настоящей статьи, однако непосредственно касается и рассматриваемого предмета: все описанное объективно приводит к непропорциональному росту технологий «мягкой силы», основанных на информационной манипуляции личностным и общественным сознанием, к соблазну для глобальных акторов все активнее использовать деструктивные начала «мягкой силы», не считаясь с теми негативными последствиями, которые они неизбежно несут обществу соответствующей страны.

Было бы, разумеется, ненаучно объяснять весь комплекс причин, приводящих к социально-политическому кризису, исключительно использованием против государства инструментов и технологий «мягкой силы». Во всех рассмотренных случаях ключевыми факторами, непосредственно предопределившими возникновение и развитие кризисов, стали объективные социально-политические и экономические проблемы соответствующих государств, ригидность или неоправданная фрагментарность их политического строя, нестабильность актуальных политических систем, раскол элит и неумение эффективно донести до населения актуальную национальную политическую повестку, а также, в некоторых случаях, национально-религиозная неоднородность. Однако внешний, субъективный фактор, выразившийся в активном применении против соответствующих стран технологий «мягкой

силы», играл как минимум не менее важную роль. Тем более, что подобная «мягкая сила», как показывает практика, мало чем отличается от традиционной «жесткой» силовой интервенции государств и приводит к последствиям, вполне сопоставимым с вооруженным внутрисоциальным конфликтом.

В связи с этим особую актуальность при обретает вопрос поиска и внедрения наиболее эффективных мер противодействия применению технологий «мягкой силы» как катализаторов социально-политических конфликтов. Представляется, что здесь особое внимание государству следует уделить проблеме образования подрастающего поколения и его воспитания в векторе понимания причинно-следственных связей в социальной жизни, прививать умение осмысливать получаемую информацию, соотносить ее с такими базовыми национально значимыми понятиями, как государственный суверенитет, национально-культурная самобытность и идентичность, обоснованная миграционная политика. Кроме того, государству следует обратить особое внимание на массовую культуру как на наиболее эффективный инструмент донесения целевых ценностей до большей части общества, а также на культуру элитарную, с тем, чтобы не допустить на этой почве раскола элит, внедрения в их сознание чуждых национальным интересам мировоззренческих и поведенческих аксиом.

Следует помнить, что немаловажной причиной любых «цветных революций» является желание глобальных политических акторов упрочить свое влияние в той или иной части света [17. С. 85]. В связи с этим обстоятельством территория бывшего СССР, и в том числе современной российской Федерации, выступает важным и перспективным геостратегическим пространством. А потому действующей власти, стремящейся сохранить политический режим страны, следует обратить особое внимание как на феномен «цветных революций» в целом, так и на механизмы «мягкой силы», непосредственно связанные с этим феноменом, способствующие его возникновению и развитию на конкретной территории и в условиях конкретной социально-политической ситуации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Матвеев Ю.И., Галаева М.Г. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики // *PolitBook*. 2015. № 1. С. 165–179.
- [2] Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные революции» // *Российский журнал правовых исследований*. 2016. № 1(6). С. 73–86.
- [3] Эстулин Д. Тавистокский институт. Минск: «Попурри», 2014. 368 с.
- [4] Иванов О.Б. Информационная война как фактор развития российского гражданского общества // *Политика и Общество*. 2017. № 4. С. 21–30.
- [5] Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30.11.2016 года № 640. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248. Дата обращения 24.06.2019.
- [6] Касюк А.Я. «Мягкая сила» и санкционная политика Запада // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2018. № 2 (800). С. 50–66.

- [7] *Sharp G.* The Politics of Nonviolent Action. Boston, 1973.
- [8] *Шарп Д.* От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. Пер. с англ. Н. Козловской. М.: Новое издательство, 2005. 84 с.
- [9] *Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В.* Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. М.: Издательство РУДН, 2015. С. 414.
- [10] *Антюхова Е.А.* «Арабская весна»: новые механизмы смены авторитарных политических режимов // Вестник МГИМО. 2015. № 2(41). С. 201–208.
- [11] *Макаревич Э.Ф., Жеглова Ю.Г.* Стратегии «мягкой силы» в информационных войнах: историческая, политическая и культурная динамика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 2(786). С. 61–84.
- [12] *Соловей В.Д.* Revolution! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2016. 260 с.
- [13] *Бочаров А.В.* Роль soft power в формировании условий реализации «цветных революций» // Дискурс-ПИ. 2017. № 3–4(28–29). С. 261–268.
- [14] *Костина А.В.* «Мягкая сила» как «жесткая сила»: «цветные революции» // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 171–183.
- [15] *Нямаахуугийн Б., Готовын Т.* Позитивные и негативные грани «мягкой силы» // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14А. С. 110–118.
- [16] *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2018. 240 с.
- [17] *Волочаева О.Ф.* «ненасильственное» изменение политических режимов как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 83–86.

Информация об авторе:

Иванов Олег Борисович – руководитель Центра урегулирования социальных конфликтов, председатель Коллегии медиаторов при Торгово-промышленной палате Московской области (ORCID ID: 000-0001-8427-1323) (e-mail: collegiamo@gmail.com).

Research article

«Soft Power» as a Catalysator of Socio-Political Conflicts

O.B. Ivanov

Center for Social Conflicts Resolution
Prosp. Mira, 72, Moscow, Russian Federation, 129063

The article is devoted to the study of a set of technologies united by the term “soft power” from the standpoint of using the potential of these technologies in order to manage socio-political conflicts in target countries. The essence and purpose of “soft power” in the contemporary activities of international political actors is revealed and investigated, and practical experience is used to study the key tools of “soft power”, including as an instrument of influence and propaganda in the global information space. The author makes a reasoned attempt to prove that in the era of globalization the importance and influence of “soft power” increases compared to traditional “hard” tools of influence, that “soft power” is actively used as a theoretical and practical guide at the global geopolitical level. The positive and negative

potential of “soft power” are critically evaluated, the basic methods of protection against its destructive influence are analyzed.

Key words: soft power, soft influence, geopolitical project, socio-political conflict, socio-political conflict management

REFERENCES

- [1] Matveenko Ju.I., Galaeva M.G. «Mjagkaja sila» kak faktor sovremennoj geopolitiki. PolitBook. 2015. № 1. S. 165–179.
- [2] Naumov A.O. «Mjagkaja sila» i «cvetnye revoljucii». Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2016. № 1(6). S. 73–86.
- [3] Jestulin D. Tavistokskij institut. Minsk: «Popurri», 2014. 368 s.
- [4] Ivanov O.B. Informacionnaja vojna kak faktor razvitija rossijskogo grazhdanskogo obshhestva. Politika i Obshhestvo. 2017. № 4. S. 21–30.
- [5] Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii, utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30.11.2016 goda № 640. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248. Data obrashhenija 24.06.2019.
- [6] Kasjuk A.Ja. «Mjagkaja sila» i sankcionnaja politika Zapada. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki. 2018. № 2(800). S. 50–66.
- [7] Sharp G. The Politics of Nonviolent Action. Boston, 1973.
- [8] Sharp D. Ot diktatury k demokratii. Strategija i taktika osvoboždenija. Per. s angl. N. Kozlovskoj. M.: Novoe izdatel'stvo, 2005. 84 s.
- [9] Filimonov G.Ju., Karpovich O.G., Manojlo A.V. Tehnologii «mjagkoj» sily na vooruzhenii SShA: otvet Rossii. M.: Izdatel'stvo RUDN, 2015. S. 414.
- [10] Antjuhova E.A. «Arabskaja vesna»: novye mehanizmy smeny avtoritarnyh politicheskikh rezhimov. Vestnik MGIMO. 2015. № 2(41). S. 201–208.
- [11] Makarevich Je.F., Zhegl'ova Ju.G. Strategii «mjagkoj sily» v informacionnyh vojnah: istoricheskaja, politicheskaja i kul'turnaja dinamika. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki. 2017. № 2(786). S. 61–84.
- [12] Solovej V.D. Revoljucion! Osnovy revoljucionnoj bor'by v sovremennuju jepohu. M.: Jeksmo, 2016. 260 s.
- [13] Bocharov A.V. Rol' soft power v formirovanii uslovij realizacii «cvetnyh revoljucij». Diskurs-PI. 2017. № 3–4(28–29). S. 261–268.
- [14] Kostina A.V. «Mjagkaja sila» kak «zhestkaja sila»: «cvetnye revoljucii». Znanie. Ponimanie. Umenie. 2019. № 1. S. 171–183.
- [15] Njamaahuugijn B., Gotovyn T. Pozitivnye i negativnye grani «mjagkoj sily». Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 14A. S. 110–118.
- [16] Bodrijar Zh. Simuljakry i simuljaccii. M.: Postum, 2018. 240 s.
- [17] Volochaeva O.F. «Nenasil'stvennoe» izmenenie politicheskikh rezhimov kak fenomen informacionnogo obshhestva. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2015. № 3. S. 83–86.

Information about the author:

Ivanov Oleg Borisovich – Head of the Center for Social Conflicts Resolution, Director of the Board of Intercessors affiliated with Chamber of Commerce and Industry of Moscow Region (Russian Federation) (ORCID ID: 000-0001-8427-1323) (e-mail: collegiamo@gmail.com).